

31. ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XL. № 42548.
32. РГИА. Ф. 1405. Оп. 62 (1864 г.). Д. 4123 (II). Л. 18 и след.
33. ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLIV. № 46840.
34. Одновременно предстояло назначить 532 должностных лица, в том числе 8 сенаторов, 50 председателей палат и их товарищей, 144 члена палат и окружных судов, 192 судебных следователя (они пользовались правами несменяемости) и 123 прокурора. И это без учета работы по подготовке избрания мировых судей и составлению списков присяжных заседателей.
35. В дальнейшем отмечали сохранение в течение всего пореформенного периода проблем с размещением судов. См.: Описание помещений судебных палат. СПб., 1913.
36. Попова А.Д. Указ. соч. С. 61. По поводу скудного финансирования проведения реформы А.А. Головачев с горечью писал: «Если мы нашли возможность, со времени издания Судебных уставов, увеличить наш бюджет на военное министерство более чем на сорок миллионов, и притом в мирное время, то ясно, что недостатка в средствах на организацию суда быть не могло». (А.А. Головачев Десять лет реформе. СПб., 1872. С. 275).
37. Петербургская, Новгородская и Псковская губернии. В 1883 г. к округу Петербургской судебной палаты была присоединена Витебская губерния, в 1889 г. – весь Прибалтийский край.
38. Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тверская, Тульская и Ярославская. В 1869 г. к округу Московской судебной палаты отнесена Нижегородская губерния: в 1870 г. – Смоленская и Костромская, в 1875 г. – Вологодская. Там открывались окружные суды.
39. Украина как официальное политико-правовое название территории в XIX в. не существовала.
40. *Музыченко П.П.* История государства и права Украины: Учебное пособие. Киев: 2006.
41. РГИА. Ф. 1149. Оп. VII. (1868 г.). Д. 60. Современники назвали этот план К.И. Палена «собранием изъятий из Судебных уставов». (Там же. Д. 60. Л. 65 об.).
42. Там же. Л. 7-8.
43. Там же. Л. 64.
44. ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLIII. № 46061.
45. В связи с этим удивляет упорство некоторых современных исследователей, с которым они признают этот шаг правильным и обоснованным. См., напр.: Биюшкина Н.И. Проведение судебной реформы 1864 г. в российском государстве (на примере Нижегородской губернии). Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 20-21.
46. Выс. утв. мнение Государственного совета 8 мая 1873 г. «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в губерниях Черниговской и Вятской» // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLVIII. № 52240.
47. Выс. утв. мнение Государственного совета «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в губерниях Пермской и Вологодской» от 12 декабря 1872 г. // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLVII. № 51635.

УДК 340.15

Шатковская Т.В.

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЯН В ЮРИДИЧЕСКИХ АКТАХ ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье исследуются общеизвестные правовые акты, принятые в первые месяцы советской власти, но в необычном ракурсе. Автор анализирует нормы первых декретов большевиков на предмет их соответствия правовым представлениям народа. В статье показано как изменение направленности правовой политики от популистской к государственно ориентированной трансформировало содержание актов, регулирующих различные сферы общественной жизни. Автор доказывает, что многоликость правовой политики в первые месяцы советской власти обусловлена не только отсутствием четких представлений о государственно-правовом развитии страны, но и отражением кризиса общественного сознания и крушения традиционно-общинных правовых ценностей.

In the article the author studies well-known acts of law adopted in the first months of the Soviet power formation. The way of the study though is unusual. The author analyses the norms of the first Bolshevik decrees with respect to their correspondence to law ideas of the people. The article shows how the change of direction of law policy from populist to state-oriented transformed the contents of acts of law regulating different spheres of social life. The author proves that the variety of the law policy in the first months of the Soviet power is conditioned

not only by the absence of certain ideas about the state-legal development of the country, but also by the reflection of the crisis of the public conscience and the destruction of the traditional-communal law values.

Ключевые слова: правовая политика, традиционные правовые представления, обычное право, советское право, земельное право, трудовое право, крестьянская община.

Key words: law policy, traditional law ideas, soviet law, land law, labour law, peasant community.

Значимость изучения правовых представлений россиян обусловлена их имманентностью российскому сознанию; влиянием на правовое мышление и поведение социального слоя или группы, социальную позицию отдельной личности и неотъемлемостью от интегральной характеристики российского менталитета в целом. Ставшее национальной особенностью несоответствие правовых представлений народа концепции российского законодательства актуализирует знания о социально ориентированных и личностно ориентированных представлениях россиян. Тем более, что понимание лавинообразно увеличивающегося количества законов становится доступным лишь юристам. Это приводит к тому, что право представляет собой в значительной степени желательный, а не реальный социальный регулятор.

Первые несколько месяцев советской власти стали не только временем испытания большевистской концепции государства-коммуны, основанной на широком применении принципа самоуправления, но и периодом кардинальной смены парадигмы государственного управления. Во-первых, состоявшееся 16 ноября 1917 г. слияние ВЦИК с Исполнительным Комитетом, избранным на Чрезвычайном Всероссийском крестьянском съезде, способствовало созданию общегражданской системы органов власти и ликвидации обособленной сферы крестьянского управления. Во-вторых, произошло изменение ценностных установок, социальных ориентиров, принципов, методов, нормативной базы, целей и основ формирования государственных органов. В-третьих, волюнтаристски разрушаются устоявшиеся архитектурные и традиции государственно-правовой системы России.

Современные исследователи истории советского государства предлагают самые разнообразные варианты ее периодизации. Полагаю, целесообразно и обоснованно выделить 25 октября 1917 г. – 18 января 1918 г. в качестве подэтапа периода становления советского государства и права. Его началом стал переход власти к советским органам на Втором Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а время завершения совпа-

ло с принятием 18 января 1918 г. Декрета Третьего Всероссийского съезда Советов об устранении в декретах и законах всяких ссылок на Учредительное собрание [1. Д. 9, л. 4]. С формально юридической точки зрения этот акт означал изменение статуса рабоче-крестьянского правительства (СНК). Временный орган власти стал постоянным, что позволяет говорить об упрочении нового государственного режима, новой идеологии и правовой политики. Подтверждением тому можно считать индифферентную реакцию общества на разгон Учредительного собрания.

Власть, обретшая новое лицо, мировоззрение и идеологию, представления и задачи в области внешней политики и установления нового мироустройства, имела весьма призрачные воззрения касательно основных направлений внутренней государственной политики, в том числе правовой.

Укрепление позиции большевиков во властных органах российского государства обеспечивалось прежде всего за счет популистского характера проводимых в конце 1917 г. преобразований. Несмотря на то, что планы и устремления леворадикальной партии совпадали с настроениями не многим более 20 % населения, ее руководители объявили революцию народной – рабочей и крестьянской. В первых декретах большевиков провозглашены исконные чаяния основной массы крестьянства и пролетариата.

Первым юридически значимым документом большевиков в области регулирования земельных правоотношений стал Декрет о земле от 26 октября 1917 г., принятый на Втором Всероссийском съезде Советов [2. № 1. Ст. 3]. Он устанавливал отмену помещичьей собственности и право частной собственности на землю. Право пользования землей получают все граждане, желающие обрабатывать ее своим трудом. Землевладение стало уравнительным, т.е. «земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме» (ст. 7). Все земля отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся. Распределением земли между трудя-

щимися заведуют органы самоуправления начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями. Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства. Земля, выбывающих членов, поступала обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получали их ближайшие родственники или указанные выбывшими лица.

Декрет о земле объявлялся временным законом, проводимым до Учредительного собрания. Темпы реализации его положений определялись уездными Советами. «Декрет о земле» – фактически единственный официальный нормативно-правовой акт, написанный крестьянами. Большевики не внесли в него ни одной поправки, полагая, что «крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос» [3, с. 115].

Реализация многовековых чаяний крестьянства о черном переделе земли закончилась развенчанием мифа о резком улучшении благополучия сельских производителей после отмены частной собственности на землю, ликвидации помещичьего землевладения и установлении единственного основания для получения права на обработки земли посредством личного трудового участия [4, с. 30, 37, 40]. Многоликая правовая политика советского государства не менее колоритно отражала кризис общественного сознания и крушения традиционно-общинных правовых ценностей.

Для проведения в жизнь земельных законов и установления новых земельных отношений учреждались Главный и местные земельные комитеты [2. № 7. Ст. 105]. Главный земельный комитет получил контрольно-надзорные, координирующие функции, право законодательной инициативы и предварительного рассмотрения законопроектов. Ведению губернских и уездных земельных комитетов подлежали учет и фактическое изъятие земель, инвентаря, продукции сельскохозяйственного назначения; распределение земельного фонда и сельскохозяйственного инвентаря в уравнильно-трудовое пользование; разрешение споров и недоразумений как непосредственно, так и через посредство третейских судов и примирительных камер.

Большевики придали силу некоторым актам, появившимся в результате крестьянского правотворчества в период февраля – октября 1917 г.,

например, Инструкции о деятельности волостных земельных комитетов, утвержденной на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 23 июня (6 июля) 1917 г. Функции волостных земельных комитетов, призванных проводить аграрную реформу на местах, были сформулированы расплывчато и обтекаемо. Так, правотворческая деятельность земельных комитетов в постановлении определялась как «издание обязательных постановлений, согласуемых с общегосударственными интересами, по предметам ведения данного земельного комитета» (ст. 23 п. «е»). Большевики легализовали переход в ведение и распоряжение земельных комитетов «всех земель нетрудовых хозяйств, со всем сельскохозяйственным живым и мертвым инвентарем, а также со всеми сельскохозяйственными и жилыми постройками, со всеми запасами сельскохозяйственных продуктов и материалов, воды местного хозяйственного значения и леса» (ст. 21) [5, с. 221 – 223].

В первые дни советской власти все распоряжения волостных земельных комитетов, принятые с согласия уездных Советов крестьянских депутатов, во исполнение декретов революционной власти, являлись «совершенно законными и должны были безусловно и немедленно проведены в жизнь» [3, с. 47].

Советская власть использовала обычно-правовой принцип круговой поруки. В Декрете об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии от 15 января 1918 г. [2. № 17. Ст. 245] отмечалось, что при вступлении в армию целых частей требовалась круговая порука и поименное голосование

В принятом 27 января 1918 г. Основном законе о социализации [7. № 25. Ст. 346] базовые положения декретов и постановлений первых месяцев советской власти получили форму и силу закона. К разработке законопроекта привлекались представители деревни. Вызывает интерес воспоминание Г.М. Иващенко, возглавлявшего одну из секций: «... прочитав проект земельной реформы, крестьяне сказали: “Федот, да не тот”, “лохматая социализация”. И найдя его лохматым, стали причисывать своими мозолистыми руками». В результате был выброшен раздел седьмой второй части законопроекта “О формах землепользования” и заменен новой редакцией, выработанной секцией. Отруба и хутора, проходившие красной нитью через весь законопроект, подверглись жесткой критике в секциях. Законодатели, лишь упоминавшие в проекте об общественной обработке земли и отводившие

простор единоличному землепользованию, «смутили общественную совесть трудового крестьянства». Об общине не говорилось ни слова. Законопроект даже давал право там, где она еще сохранялась как форма землепользования, выходить из нее на отруб. Следовательно, проект был направлен на разобщение деревни и уничтожение ее сплоченности [7, с. 95, 99].

Участие представителей крестьянства и эсеров в разработке закона обеспечило соответствие установленных в нем принципов землепользования обычно-правовым основам крестьянской жизни. Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах РФ отменялись навсегда (ст. 1). Распределением земель сельскохозяйственного значения между трудящимися ведали сельские, волостные, уездные, губернские, областные, главные и федеральный земельные отделы Советов в зависимости от значения этих земель (ст. 9). Общим и основным источником права на пользование землей сельскохозяйственного значения являлся личный труд (ст. 13). Торговля хлеба как внешняя, так и внутренняя стала государственной монополией (ст. 19). При установлении порядка передачи земли в пользование предпочтение отдается трудовым сельскохозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами (ст. 22 прим.).

В то же время «Основной закон о социализации» последовательно отстаивает интересы государства в аграрной сфере. При этом нарушались не только мелкособственнические устремления селян, но и основополагающие принципы крестьянского общежития. Так, ст. 22 устанавливает определенную очередность в предоставлении права землепользования: в первую очередь безземельное и малоземельное местное население; во вторую – пришлое земледельческое население и в третью – неземледельческое население. Тем самым закон нарушает сложившуюся веками крестьянскую монополию на занятие сельскохозяйственным трудом и обработку земли. Данная тенденция получила развитие в последующих актах советской власти, например, в Декрете Совнаркома «Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата» от 15 февраля 1919 г. [6, с. 50].

Традиционная крестьянская семейная собственность на землю заменена в законе индивидуальным землепользованием. Право пользования землей прекращалось смертью пользователя (ст. 52 «в»). Это значит, что после смерти каждого тру-

доспособного члена хозяйства общая площадь последнего сокращается на всю величину доли умершего. Декрет ВЦИК «Об отмене наследования» от 27 апреля 1918 г. установил: «Если имущество умершего не превышает десяти тысяч рублей, в частности, состоит из усадьбы, домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства в городе или деревне, то оно поступает в непосредственное управление и распоряжение, имеющих налицо супруга и родственников» (ст. 9) [8, с. 187 – 190]. Земельный надел нельзя было передать по наследству. При отсутствии в законе требования периодических переделов земли, очевидно, что уравнительность землепользования должно было поддерживать государство. Последнее брало на себя значительные материальные обязательства по переселению малоземельных крестьян, страхованию «трудового сельского хозяйства» и призрению нетрудоспособных земледельцев (ст. 14 – 16). Молодому, бесформенному и окруженному врагами советскому государству такие широкомасштабные преобразования были не по силам и не по карману.

Кроме того, закон вводил государственную монополию на торговлю хлебом (ст. 18). Излишки дохода, получаемые от естественного плодородия лучших участков земли, а также от более выгодного их расположения в отношении рынков сбыта, поступали на общественные нужды в распоряжение органов советской власти (ст. 17).

Закон «О социализации земли» продемонстрировал изменение отношения власти к договорам вообще и аренде в частности. Право на пользование землей не могло ни при каких обстоятельствах приобретаться ни куплей, ни арендой, ни путем дарения и наследства, ни вообще путем какой бы то ни было частной сделки (ст. 39, прим. 3). Никто не мог («ни в коем случае») передавать право на пользование находящимся у него участком земли другому лицу (ст. 45, 46). Некоторые крестьяне, ранее арендовавшие землю у обществ, в связи с отменой аренды были вынуждены просить волостные комитеты о содействии в приеме их полноправными членами данных обществ [9. Д. 576. л. 11, 18, 36, 41]. Однако искусственный запрет советской властью частнопроводных обязательств в годы военного коммунизма лишь перевел договорные отношения в нелегальное положение.

В целом основные принципы земельной реформы, провозглашенные в «Основном законе о социализации», соответствовали народному правосознанию. Центральной идеей закона оставалось

уравнительное землепользование, заимствованное из практики русской поземельной общины. Большевики считали, что близкое сердцу крестьян земельное «поравнение» осуществится властью на местах без вмешательства центра. Поэтому закон ограничивался декларацией принципов социалистической аграрной реформы. Практическое проведение ее в жизнь предоставлялось выборной «власти на местах», отражавшей непосредственные желания населения. Однако перенесение центра тяжести реформы на местную инициативу обернулось не земельным «поравнением», а земельной катастрофой.

Переустройство земельных отношений на основании «Основного закона о социализации» протекало под лозунгом уравнительности, но эта уравнительность ни по объему, ни по содержанию не походила на принцип уравнительного землепользования, закрепленный в законе. Во-первых, из распределительного фонда наделных земель в большинстве случаев были исключены крестьянские земли. Последние, как правило, без учета типа и размера землепользования, попадали в категорию «трудовых хозяйств», что предохраняло их от уравнительных переделов. В итоге основным объектом земельной реформы стали земли нетрудового пользования (помещичьи, бывшие казенные, церковные и т.п.). Во-вторых, реализация закона не затронула институт общинной собственности. Перераспределение земель в рамках крестьянской общины фактически сводилось к увеличению наделов за счет захваченных частновладельческих имений. И, наконец, предполагаемые результаты уравнительного распределения земель по закону о социализации, такие как установление социального равенства в деревне, формирование общенародного земельного фонда, формирование социалистической сознательности у крестьянства, на практике обернулись «механическим разделом захваченного» и проявлением «бессознательного собственнического инстинкта человека, предпочитающего погубить культурную ценность, чем мириться с мыслью, что кто-нибудь другой будет ею владеть» [10, с. 196].

В области семейного права прежде всего был упрощен порядок развода. Так, в Декрете о расторжении брака от 16 декабря 1917 г. [2. № 10. Ст. 152] провозглашалось, что брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них (ст. 1). Убедившись в том, что просьба о расторжении брака исходит действительно от обоих супругов или одного из них, судья единолично постановляет определение о расторжении брака (ст. 6).

Судья одновременно с постановлением о расторжении брака определяет, у кого из родителей остаются несовершеннолетние дети, прижитые в браке, и кто из супругов и в какой мере должен нести издержки по содержанию и воспитанию детей, равно как и о том, обязан ли муж и в каком размере доставлять пропитание и содержание своей бракоразведенной жене (ст. 8).

С 18 декабря 1917 г. в Российской Республике стали признавать лишь гражданские браки, заключенные при соблюдении следующих условий:

- возраст брачующихся: мужчины – 18 лет, женщины – 16 лет, не состоящие в браке и не являющиеся полнородными и неполнородными братьями и сестрами по прямой линии, не умалишенные;
- вступление в брак добровольное [2. № 11. Ст. 160].

Согласно Декрету о порядке утверждения и опубликования законов от 29 октября 1917 г. [2. № 1. Ст. 12] впредь до созыва Учредительного собрания составление, утверждение и опубликование законов производилось Временным рабочим и крестьянским правительством (ст. 1, 3). Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов мог приостановить, изменить или отменить всякое постановление Правительства (ст. 7). ВЦИК, называемый большевиками советским парламентом, не мог отказать СНК в праве издавать без предварительного обсуждения ЦИК неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов. Советский парламент, по устойчивому убеждению новой власти, «не имел ничего общего с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами и где представители правящего класса превращают регламент и наказ в орудие законодательной обструкции» [5, с. 44 – 45].

Законодательные и важнейшие правительственные предположения отдельных ведомств готовились и редактировались в соответствующих ведомствах и вносились в Отдел законодательных предположений Народного комиссариата юстиции для проверки их подлинности и точности текста [2. № 1. Ст. 12].

Одним из первых декретов, регламентировавших продолжительность рабочего дня, стал Декрет о нормах оплаты труда железнодорожников, категориях служащих и о 8-часовом рабочем дне во всех отраслях железнодорожного труда от 11 декабря 1917 г. [2. № 8. Ст. 116]. В нем устанавливался 8-часовой рабочий день для лиц, занятых физическим

трудом, и 6-часовой день для труда умственного и конторского. Допускались сверхурочные работы, которые оплачивались в двойном размере.

Положением ВЦИК и СНК с 11 декабря 1917 г. в РСФСР вводилось страхование на случай безработицы [2. № 8. Ст. 111]. Под безработным понималось «всякое трудоспособное лицо, главным источником существования которого являлась работа по найму, не имевшее возможности найти работу за установленную соответствующими профессиональными союзами норму вознаграждения, а при их отсутствии – биржей труда» (ст.3). Лицо должно было быть зарегистрировано в местных биржах труда, профессиональных союзах или в больничных кассах, а его регулярный заработок не должен превышать трехкратный средний заработок рабочих данной местности. Всероссийский фонд безработных формировался из взносов нанимателей (ст. 7). Пособие безработному выдавалось в размере средней поденной заработной платы для данной местности, но не выше, чем был его действительный заработок, начиная с четвертого дня безработицы. За нарушение положения полагалось «наказание по суду до года тюрьмы» (ст. 28).

Большевики существенно расширили понимание и способы использования конфискации имущества. Ее стали применять как наказание за неподчинение декретам и распоряжениям советской власти (например, декрет о конфискации имущества акционерного общества Богословского горного округа от 7 декабря 1917 г. [2. № 6. Ст. 95]).

Основные направления финансовой политики советского государства обусловлены ситуацией остро экономического кризиса, нехваткой денежных средств и отсутствием инвестиций, регулярных доходов в казну и контроля над финансовыми потоками. В этих условиях большевики объявили государственную монополию на банковскую деятельность [5, с. 230], установили потолок заработной платы, ввели мораторий на уплату по векселям и исполнительным листам [2. № 2. Ст. 27], наделили местные советы нерегламентированными налоговыми правами [2. № 3. Ст. 47], запретили все сделки с ценными бумагами, аннулировали гарантии, данные царским правительством по займам различных предприятий и учреждений, создали комиссии из представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и местных Советов народного хозяйства, получивших право аннулировать полностью сбережения, приобретенные нетрудовым путем [2. № 27. Ст. 353], выпускали облигации, при-

равненные по номинальной стоимости к денежным знакам, учредили Особый комитет по сокращению государственных расходов [2. № 27. Ст. 349], ввели уголовную ответственность за нарушение финансовой дисциплины и неуплату налогов [2. № 5. Ст. 71].

Правовое оформление судебной системы начинается с Декрета о суде от 22 ноября 1917 г. [2. № 4. Ст. 50]. Его статьи упраздняют общие судебные установления, а институт мировых судей заменяют местными судами в лице постоянного избранного местного судьи и двух очередных заседателей. Суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних преступников (до 17 лет) упразднялись, а их общественно-опасные деяния подлежали ведению комиссий о несовершеннолетних [2. № 16. Ст. 227].

Характеризуя право первых месяцев советской власти, следует отметить, что оно отличается популизмом, противоречивостью, отсутствием четких законодательных дефиниций и определенных санкций, низким уровнем юридической техники, необоснованно широким применением уголовной ответственности, субъективизмом, игнорированием устоявшихся постулатов дореволюционного законодательства и опыта государственного правового регулирования, но соответствием традиционным основам правовых представлений русского народа, казуистичностью. Правовые положения оформлены в виде декретов, деклараций, распоряжений, обращений, предписаний.

Советское право указанного периода весьма противоречиво. Так, в нем удивительно сочетается мелочная регламентация различных сфер общественной жизни с широкими возможностями судебного усмотрения. Противоположные по смыслу предписания встречаются в одном и том же нормативном акте.

Правовая политика первых месяцев советской власти была ориентирована на активизацию самодеятельности народных масс. Большевики полагали, что народ, опираясь на свой социалистический инстинкт, самостоятельно в рамках каждой местности решит аграрный вопрос, что в целом по стране приведет к социальному «поравнению». Собственные декреты советские руководители воспринимали как инструкции, зовущие к массовому практическому делу.

Литература

1. Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 1235, оп. 2.

2. Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства.

3. Аграрная политика Советской власти (1917 – 1918 гг.): Документы и материалы. М., 1954.

4. Шатковская Т.В. Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений в аспекте российской правовой традиции. Ростов-на-Дону, 2011.

5. Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957.

6. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917 – 1954 гг. М., 1954.

7. Кабанов В.В. Разработка Основного закона о социализации земли // Октябрь и советское крестьянство 1917 – 1927 гг. М., 1977.

8. Декреты советской власти. Т. 2. М., 1959.

9. Российский государственный архив экономики. Ф. 478, оп. 6.

10. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

УДК 340.15

Гоголев П.В.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНОРОДЦЕВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматриваются вопросы правового развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях действия Устава об управлении инородцев от 22 июля 1822 года.

The article examines the legal development of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in terms of action of the Statute on the management of the natives from 22 July 1822.

Ключевые слова: Российская империя, инородцы, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, Устав об управлении инородцев.

Keywords: Russian Empire, aliens, indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, the Statute of the natives.

В начале XIX века Российская империя приходит к осознанию актуальности юридического закрепления результатов своей политики в Сибири: оформившегося социального расслоения инородческой среды; выделения и обособления в ней экономически состоятельного слоя; начала слияния местной «аристократии» с иными элементами инородческой знати. Необходимо было скорейшим образом унифицировать и закрепить общие принципы правового регулирования важнейших сфер жизни и деятельности инородцев, укрепить правопорядок, обеспечить законность в деятельности местной администрации и органов инородческого управления. Ситуация в местном управлении Сибири, сложившаяся к 20-м годам XIX века, достаточно точно была обобщена в проекте «Учреждения о сибирских инородцах»: сибирские народы «управлялись по сие время на основаниях весьма неопределенных, <...> во всех отношениях нет ничего неопределеннее, как права ясашных, их обязанности

и степень власти как родовых старейшин, так и местного гражданского начальства» [1, л. 5 об. – 6].

Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года стал актом, положившим начало системному и унифицированному регулированию жизни и деятельности инородцев. Он стал логическим обобщением полуторавековой политики Российской империи. Многие правовые принципы, заложенные в Устав об управлении инородцев, в определенной степени могут представлять интерес для Российской Федерации. Отдельные ученые представляют Устав как акт, созданный вследствие простой инкорпорации юридических норм различных правовых актов, до этого регулировавших отношения инородцев [2, с. 91], либо видят лишь стремление уравнивать административные единицы в фискальных интересах [3, с. 82 – 83].

Действительно, в течение предшествовавших лет многие институты и нормы, вновь закрепленные в Уставе, существовали в многочисленных законодательных и подзаконных актах, а не появи-